

А.В. Алексеев

## Происхождение древнерусского концепта *тьрпѣние*: этимологический аспект

Слово *тьрпѣние*, как и другие древнерусские номинации эмоций, в дописьменный период выражало синкретичный образ, соединявший представления о физических и духовных переживаниях. Такой образ представлял собой первый этап проявления содержательных форм вербального концепта *тьрпѣние*. Внутренняя форма корня *-тьрп-*, определяемая путем этимологического анализа, позволяет судить о символическом потенциале образной синкреты, который складывался в период праиндоевропейского диалектного единства.

*Ключевые слова*: концепт; символ; внутренняя форма слова; историческая лексикология; этимология.

Каждый вербальный концепт в своем становлении проходит путь от выражения синкретичного образа к обозначению точного понятия и культурного символа «в соответствии с движением концептуального квадрата» [5: с. 63]. На каждом этапе слово обладает соответствующими лексическими значениями, которые в совокупности и определяют содержание концептуальных форм — образа, понятия, символа. Таким образом, о концепте, который представляет собой заверченный смысл, аккумулируемый вербальной единицей, следует говорить «как о совокупности всех исторически зафиксированных значений слова» [2: с. 101].

Образное значение слова формируется путем распространения первоначально признака номинации на максимально широкое число объектов: таким способом формируется объем понятия. В соответствии с представлениями Петербургской/Ленинградской концептологической школы, в процессе семантической филиации лексики объем понятия (образ, денотат) предшествует формированию содержания понятия (собственно понятия, сигнификата): «Обогащение смыслом начинается уже в первой форме — в образе. <...> Продолжая развитие, смысл ясней оформляется в понятии» [6: с. 59]. Существительное *тьрпѣние* выражало сформированное в древнерусской культуре понятие ‘пассивное (не деятельное) состояние лица, связанное с переживанием негативной ситуации (неприятных обстоятельств), протяженное по времени, в течение которого лицо не проявляет активного недовольства (проявляет стойкость), ожидая исправления ситуации (Божьей помощи)’. Ср.: «Яко кротость правда смѣрнение. покорение любвь. и ѿже о бѣдахъ трыпѣние. и прочее. елико добрыя дѣтели имоущая ихъ. въ небесное царство. тако о иномъ подобаетъ молити. искоушаютъ бо Богъ трыпѣние. въроу просащихъ оу него. мѣдлыть подати ѿгоже просать» (Изборник 1076 г.).

Производящий глагол *тьрпѣти* оказывался средством выделения из контекста релевантных признаков понятия (сигнификата). Например, признак ‘переживание негативной ситуации’ выделялся при сочетании глагола с различными номинациями негативных обстоятельств: *обида, печаль, неволя, скръбь, зима и гладь, укоризна и досаждение, узы, наказание, рѣзание, ноужа, зѣло, пакости, болѣзни*. Одновременно тот же глагол был средством выражения образа, который формировался прежде понятия: глагол *тьрпѣти* употреблялся максимально широко, «нащупывая» границы объема будущего понятия. При этом исходный признак номинации применялся к различным ситуациям, в которых семантические признаки ‘лицо’, ‘негативная оценка’, ‘ослабление воли’, ‘душевное переживание’, обязательные для сигнификата (содержания понятия — ср. толкование выше), могли быть нейтрализованы. Ср. *тьрпѣти* по отношению к неодушевленному субъекту: «Тѣло бо наше кѣсть акы риза, да аще храниши то тѣрпѣти, аще ли повѣржеши то изниѣтъ» Изборник 1076 г. — здесь реализуется контекстуальное значение *тьрпѣти* ‘оставаться без изменений, сохранять целостность’. Далее *тьрпѣти* по отношению к ситуации, которую нельзя воспринимать как негативную: «Но понеже паче сѣльница просвѣтъса и паче снѣга, того ради ници падоша, сиянья не могоуще терпѣти» Пчела по сп. XV в. — здесь представлено значение *тьрпѣти* ‘выдерживать сильное (одномоментное) воздействие’. В следующем контексте реализуется значение *тьрпѣти* ‘иметь возможность, желание (проявлять волю)’, ср.: «И не трыплю бо жива быти, аще не вию его» Житие Феодосия: Успенский сборник. Наконец, обнаруживается редкий пример с архаичным употреблением префиксальной (предельной) формы, образованной от основы *тьрпѣ-*: «Отерпѣв же Захария, отвѣща ко ангелу, глаголя: ни, господи, не прельсти раба твоего» ВМЧ. Сент. 1–13, 273. XVI в. В данном случае *отърпѣти* — ‘перестать быть замершим’.

Для корректного описания древнерусского образа терпения, выраженного в синкретичном употреблении глагола *тьрпѣти*, необходимо рассмотреть внутреннюю форму корня *-тьрп-*, т. е. определить тот первоначальный признак номинации, который был положен в основу образа. Глагол *тьрпѣти* ← *\*trpēti* существовал уже в общеславянском языке и мог обозначать как душевное, так и физическое страдание, что подтверждается данными славянских языков. Ср. укр. *терпіти*, блр. *цярпець*, болг. *търня*, серб.-хорв. *трпети*, н.-луж. *šerpjeś* с тем же значением, что и в современном русском; польск. *cierpieć*, словен. *trpeti*, чеш. *trpěti*, словац. *trpiet*, польск. *cierpieć*, в.-луж. *šerpjeć*, у которых реализуется значение ‘страдать, мучиться’ [10: с. 49; 11: с. 239]. Как видим, переход ‘страдать’ → ‘терпеть (выдерживать)’ произошел преимущественно в восточнославянских и южнославянских языках, видимо, под влиянием церковнославянских переводов — что и привело в итоге к формированию понятия «терпение».

Для дальнейшей характеристики необходимо рассмотреть особенности параллельных глагольных основ в славянских языках и индоевропейский

материал, прежде всего балтийский. В общеславянский период корень *\*-t(b)rp-* был представлен в нескольких типах основ: *\*torpēti* (ср. рус. *оторопеть*, укр. *смороніти*) — *\*torpiti* (ср. с.-х. *trapimti*, словен. *trapiti*, чеш. *trapiti*, словац. *trapit'* со значением 'мучить', польск. *stropić się* 'оторопеть' [11: с. 85; 10: с. 252]) — *\*trpnōti* (ср. рус. *терпнуть* 'неметь', болг. *изтръпна* 'ощепеню', с.-х. *trpnuti* 'затекать'; словен. *trpniti*, чеш. *trnouti*, словац. *trpnut'*, польск. *cierpnąć* — 'мертветь, замирать' [10: с. 239]) — *\*trpati* (др.-рус. *отърпати* 'перестать быть замершим', *оутьрпати* 'страдать, ослабевать') — *\*trpēti* (терпеть).

Глаголы третьего и второго классов *(оу)търпати* – *(оу)търпноути* в древнерусском языке параллельно обозначали и физические, и душевные состояния: сохранялась культурная значимость языческой эпохи — символическая связь, отождествлявшая физическое страдание с эмоционально-нравственным феноменом выдержки, терпения.

При изучении рефлексов глагольных основ *\*torpē-* / *\*torpi-* / *\*trpē-* / *\*trpa-* / *\*trpnō-* в современном русском языке возникает вопрос о соотношении глаголов-паронимов и соответственно омонимичных корней: *моропить* – *моропеть* (*-морон-* ← *\*torp*). П.Я. Черных рассматривает *моропить* в качестве каузатива по отношению к *моропеть*, в то время как М. Фасмер с осторожностью указывает на возможное родство современных омонимичных корней. Каузативная семантика общеславянского глагола *\*torpiti* 'заставлять мучиться' и его производность по отношению к корню *\*torp-* 'мучение' подтверждаются семантикой славянских рефлексов (см. выше). Вместе с тем современный русский глагол *моропить* 'заставлять спешить ← делать быстрым', очевидно, имеет другое происхождение, так как затруднительно объяснить его семантическую производность по отношению к значению 'мучиться' (*терпеть*, *терпнуть*). Учитывая широкое распространение уже в общеславянский период отыменных глаголов на *-iti*, следует рассматривать *моропить* как производное по отношению к *моропъ* ← *\*torp(ъ)* (торопъ 'поспешность, суета' [9: с. 384], *второпях* ← *въ торопѣхъ*).

Эти соображения, однако, не исключают вероятности родства омонимичных корней, но доказывать такое родство следует уже не на славянском, а на индоевропейском материале. Общеславянская именная форма *\*torp-* 'быстрый' имеет целый ряд соответствий в греческом, латинском, древнеиндийском языках, которые подтверждают его исходное значение 'подвижный' [11: с. 85]. Любопытно, что в результате мы можем установить энантиосемичный характер протославянского корня *\*torp-*: 'подвижный' (*моропить*) – 'неподвижный' (*моропеть*). Энантиосемия — качество, связанное с предельным расширением образа; указанным фактом дополнительно подтверждается семантический синкретизм праславянского корня *\*trp* / *\*torp*.

Сопоставление славянских и балтийских языков показывает, что этимон всего рассмотренного глагольного ряда существовал уже в балто-славянский период: ср. лит. *tirpti* 'неметь, коченеть, делаться бесчувственным'; латыш.

*tirpt* ‘неметь’ [10: с. 239]. Противопоставление различных типов глагольных основ давало возможность выражать различные аспектуальные оттенки. В ряду количественных чередований в качестве исходной формы корня должна быть восстановлена форма *\*terp* (: *\*torp* : *\*trp*). Соответственно, этимологом рассмотренного глагольного ряда является *\*terpti* ‘быть омертвевшим, неподвижным’; в славянских языках не сохранилось его рефлексов, в том числе из-за того, что при упрощении в группе согласных должно было возникнуть омонимическое пересечение, ср. др.-рус. *търѣти*, *тьрѣти* ← *\*terti* ‘тереть’. В современных славянских языках представлены вторичные глагольные основы: оформление основы инфинитива долгими гласными *\*ā*, *\*ē* указывало на неограниченность действия, причем первый суффикс соответствовал основе третьего класса (*\*тырpati*, *\*тырpaјo*), а второй суффикс — основе четвертого класса (*\*тырpěti*, *\*тырpl’o*). Грамматическая дифференциация сменилась лексической: итератив *\*тырpati* ‘раз за разом (на длительное время) терять подвижность, неметь’ приобрел значение ‘ослабевать, терять силы’. В четвертом классе глагольная основа выражала состояние, поэтому *\*тырpěti* ‘быть в состоянии неподвижности, оцепенения’ приобрел значение ‘пребывать в мучительном состоянии’. Глагол *\*тырpnqti* относился ко второму классу, в котором выражалось значение изменения состояния, в результате оформилось значение *\*тырpnqti* ‘становиться неподвижным, цепенеть’. Глаголы с именной огласовкой (ср. *везу* — *воз*, *возить*) обозначали приобретаемое качество (*\*toropěti* ‘становиться неподвижным’) или навязанное качество (итератив *\*toropiti* ‘делать неподвижным → мучить’). Последний глагол вследствие омонимической аттракции приобрел в русском языке новое значение ‘спешить’.

Таким образом, в общеславянском языке корень *\*тырp* / *\*торp* был представлен широким рядом глаголов, выражавших различные аспекты синкретичного значения ‘быть лишенным подвижности, силы → страдать’. Распространенность такого значения подтверждается существованием древнейших производных имен, сохранивших исконную семантику: *тырпость* ‘состояние, ощущение неподвижности, жесткости’, *тырпъкъ* ‘неподвижный → жесткий’. В этом ряду именно *\*тырpěti* обладал основой, позволившей распространить изначальный признак корня ‘страдание из-за неподвижности’ на максимально широкий круг состояний, в том числе эмотивных, нравственных. Таким образом, у глагола *тырпѣти*, производного по отношению к *\*terpti*, уже в дописьменный период на основе внутренней формы сформировалось символическое значение, сохранявшее актуальность на фоне праславянских словообразовательных связей: *тырпѣти* → ‘быть неподвижным’ → ‘страдать от невозможности действовать’ (неподвижность как символ слабости и страдания). Именно анализ символических значений позволяет делать вывод о категориях культуры, поскольку «культурная значимость — это реализация символической функции слова» [1: с. 10].

Вернемся к вопросу о происхождении праславянской энантиосемии *\*torp-* ‘подвижный/неподвижный’. Ближайшим по семантике соответствием для *\*torp-* за пределами балто-славянской области является латинское *torpeo* (*torpere*) со значением ‘замирать, неметь’. Исходный индоевропейский корень

относится к достаточно распространенному типу корней с так называемым *s-mobile*, т. е. с начальным спирантом, который может присутствовать или отсутствовать в рефлексах одного и того же корня; о происхождении и судьбе этого звука не существует общепринятого мнения [7: с. 137]. Праформа праславянского *\*torp-* определяется для праиндоевропейского периода в виде *\*(s)ter-p-*, где губной согласный представляет собой суффикс, расширение к более архаичной форме корня [12: с. 1022]. Приведем примеры рефлексов с сохранившимся начальным спирантом: лит. диал. *stirpti* ‘подрастать, развиваться’; латин. *stirps* ‘дерево: нижняя часть ствола’, др.-в.-нем. *sterban* ‘умереть’ [10: с. 239]; алб. *shterpë* ‘бесплодный’ [12: с. 1024].

Приведенные соответствия позволяют определить внутреннюю форму протославянского глагола *\*terpti* как ‘быть подобным твердому дереву’ (ср. образованные по аналогичной модели русские глаголы *одеревенеть*, *задубеть*). Древнейшее семантическое развитие исходной основы может быть представлено следующим образом: ‘быть твердым, как дерево’ → ‘быть неподвижным, мертвым (омертветь)’. В славянских производных формах происходила дальнейшая филиация: ‘омертветь’ → ‘закоченеть, потерять чувствительность’ → ‘испытывать физические мучения’ → ‘вообще страдать’.

Итак, символическое значение протославянского (праиндоевропейского) этимона определяется следующим образом: *\*terpti* → ‘быть подобным дереву’ → ‘быть мертвым’: дерево оказывается символом смерти. Однако известно, что в индоевропейской культуре дерево также являлось символом здоровья: см. [4: с. 613], ср. также рус. *здоровый*, родственное с *дерево*, с развитием значения ‘не поврежденный’ ← ‘крепкий как дерево’.

Для объяснения обнаруженного противоречия необходимо обратиться к семантике и.-е. корня *\*(s)ter-*, однако интерпретация осложняется тем, что исследователи отмечают обширнейшую омонимию данного корня. Для семантической реконструкции должен быть решен вопрос о статусе *s-mobile*, т. е. о соотношении и.-е. корней *\*(s)ter-* и *\*ter-*. Перспективным представляется мнение Э. Бенвениста о том, что *s-mobile* не являлось исконным элементом корня, но представляло собой префиксальный элемент [3: с. 195]. Это подтверждается современными глубинными этимологиями: в родственных языках ностратического уровня обнаруживаются соответствия корню *\*(s)ter-*, лишенные начального спиранта [8]. Таким образом, на праиндоевропейском уровне возможно отождествление корней *\*(s)ter-* и *\*ter-*, а на уровне современного русского языка можно постулировать родство огромного лексического пласта: *терпеть*, *терпкий*, *труд*, *тереть*, *труп*, *трава*, *терять*, *теребить*, *струп*, *потребить*, *стараться*, *страсть*, *стерва*, *страх*, *терние*, *строгий*, *терзать*, *трогать* и др.

В соответствии с указанными словами в индоевропейском словаре выделяется минимум десять отдельных семем, соответствующих корню *\*(s)ter-* / *\*ter-*: для *\*ter* 1) ‘дрожать’; 2) ‘слабый, хрупкий’; 3) ‘сверлить’; 4) ‘пересекать’; 5) ‘сверх’; 6) ‘нечто жальщее’; 7) ‘расти, процветать’ [12: с. 1072–1077]; для *\*(s)ter-* 1) ‘жесткий, твердый’; 2) ‘острый стебель’; 3) ‘грязь, гниль’ [12: с. 1021–1022]. Мы полагаем, что для большей части указанных семем,

учитывая символический синкретизм, допустимо выделить общий семантический признак 'растущее дерево'. В зависимости от способа реализации этого признака коррелирующие семемы могут быть разделены на две группы: 1) растущее, молодое дерево понимается как дрожащее, подвижное, хрупкое, цветущее и символизирует энергию жизни (положительная оценка); 2) старое дерево понимается как жесткое, неподвижное, опасное (острое), разрушающееся, гнилое и символизирует смерть (отрицательная оценка).

Таким образом, при наиболее глубокой этимологии выявляется древнейшая культурная значимость корня *\*(s)ter-*, связанная с амбивалентным символом дерева и отразившаяся в энантиосемичных лексических значениях. Разграничение двух противоположных культурных и эмоциональных коннотаций могло обеспечиваться начальным *\*s-* как особым формантом. В праиндоевропейский период префиксация не была развита, поэтому *s-mobile* должно рассматриваться не как регулярный грамматический формант, но как особое эмфатическое средство, которое первоначально, возможно, указывало на отрицательную коннотацию. Поскольку впоследствии эта функция *s-mobile* была утрачена, произошло смешение форм *\*(s)ter-* – *\*ter-*. Высказанные предположения могут быть опровергнуты или подтверждены после окончательного решения вопроса об условиях появления и утраты *s-mobile*.

Но в любом случае индоевропейская этимология подтверждает древнейшее происхождение образа-синкреты, связанного с глаголом *тьрпѣти*. Представляется, что символика дерева, языческая в своей основе, определяла направление концептуального развития и в исторический, письменный период: *тьрпѣти* означало быть неподвижным, крепким, как дерево; страдать, но не подчиняться негативному воздействию.

### Библиографический список

#### Литература

1. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2014. № 1 (12). С. 8–15.
2. Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. МГПУ, 2013. 164 с.
3. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 260 с.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1330 с.
5. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 703 с.
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
7. Мельничук А.С. О сущности беглого *s-* // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 137–146.

#### Справочные и информационные издания

8. Вавилонская башня: проект этимологической базы данных. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=config&morpho=0> (дата обращения: 20.06.2016).

9. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. М.: Типографія Т. Рись, 1866. Т. 4. 626 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
11. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1993. Т. 2. 560 с.
12. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke verlag, 1959. 1184 с.

## References

### *Literatura*

1. *Alekseev A.V.* Kul'turnaya znachimost' slova kak kategoriya istoricheskoy leksikologii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2014. № 1 (12). S. 8–15.
2. *Alekseev A.V.* Semioticheskie kategorii yazy'ka i kul'tury' pri diachronicheskom analize leksiki. M.: MGPU, 2013. 164 s.
3. *Benvenist E'.* Indoevropskoe imennoe slovoobrazovanie. M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. 260 s.
4. *Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Indoevropskij yazy'k i indoevropjczy'. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1984. 1330 s.
5. *Kolesov V.V.* Slovo i delo: Iz istorii russkix slov. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2004. 703 s.
6. *Kolesov V.V.* Filosofiya russkogo slova. SPb.: Juna, 2002. 444 s.
7. *Mel'nichuk A.S.* O sushhnosti beglogo s- // E'timologiya 1984. M.: Nauka, 1986. S. 137–146.

### *Spravochny'e i informacionny'e izdaniya*

8. Vavilonskaya bashnya: proekt e'timologicheskoy bazy' danny'x. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=config&morpho=0> (data obrashheniya: 20.06.2016).
9. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivago velikorusskago yazy'ka. M.: Tipografiya T. Ris", 1866. Т. 4. 626 с.
10. *Fasmer M.* E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: Progress, 1987. Т. 4. 864 с.
11. *Cherny'x P.Ya.* Istoriko-e'timologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazy'-ka. M.: Rus. yazy'k, 1993. Т. 2. 560 с.
12. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke verlag, 1959. 1184 s.

**A.V. Alekseev**

### **The Origin of the Old Russian Concept *Patience*: an Etymological Aspect**

Like other old Russian nominations of emotions the word *търпѣние* (*patience*) in the preliterate period expressed a syncretic image, connecting ideas about physical and spiritual experiences. Such an image was the first representation stage of the verbal concept of *patience*. The internal form of the root *-търп-*, as determined by etymological analysis, gives an indication of the symbolic potential of the image-bearing item of syncretism, formed in the period Proto-Indo-European dialectal unity.

*Keywords:* concept; cultural icon; internal form of the word; historical lexicology; etymology.